

200-летний юбилей И.С. Тургенева заставляет нас еще раз обратиться к творчеству автора и задуматься о его современном значении. Невольно возникает при этом и тема русской революции, о которой писатель многократно задумывался, благодаря чему в его произведениях мы можем найти много для себя полезного. Ведь смысл событий, потрясших нашу страну и все человечество в XX веке, нами еще не понят.

Среди второго поколения великих русских писателей XIX века (по определению Достоевского — это он сам, Лев Толстой, Тургенев, Гончаров, Некрасов и Островский) Иван Сергеевич Тургенев ныне не принадлежит к числу самых читаемых. Кажется, что минувший век, восприняв опыт его современников, прошел мимо него самого. Определенную актуальность видят разве только в романе «Отцы и дети» с его вечной темой противостояния поколений. Действительно, как философ и психолог, проникший в глубины природы человека и его отношений с управляющей миром силой, Тургенев уступает Толстому и Достоевскому, и даже, может быть, Гончарову. Он остается наблюдателем. Его описания поражают своей достоверностью. Насколько это возможно, он описывает человека, не задаваясь предварительно вопросом, добр или зол человек по своей сути. В этом Тургенев наследник прозы Лермонтова, особенно его «романа на водах» — «Княжны Мери». Кстати, у Тургенева есть и свой роман

на водах — «Дым», столь же безжалостный, как у его предшественника, сколь и поэтический. Присутствие поэзии составляет глубокое отличие прозы Тургенева от произведений таких писателей натуральной школы, как Глеб и Николай Успенские. Тургенев с такой же остротой видит и человеческий эгоизм, и бескорыстие, благородство и истинную любовь. Как и у Лермонтова, природа у писателя — это фон, который всегда отвечает лучшему в человеке, аккомпанирует проявлениям его чувств. А вот в плане включения человека в общественное бытие и наблюдения за общественными нравами Тургенев сопоставим с Островским. Но если драматург анализировал, прежде всего, купеческие и мещанские типы, бывшие все же периферийными для русской истории, то для Тургенева главным объектом исследования были Россия господская и Россия мужицкая.

С полной отчетливостью противостояние этих двух России было показано уже в «Записках охотника». Хрестоматийные примеры из этой книги и некоторых других произведений писателя обнаружили ту бездну, которая существовала между сословиями. Эта бездна обнаруживалась не только в имущественном или правовом положении человека, но и в привычках, речи, одежде, во всем образе жизни и образе мышления. Эту бездну преодолеть было необходимо.

В семидесятые годы XIX века в России революция стала собираться с новыми (после восстания декабристов) силами. Общественные реформы, включая освобождение крестьян от крепостного состояния в 1861 году, далеко не разрешили противоречия русской жизни, но создали еще и новые. Это ярко показано в поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо?». Крестьянство считало себя обманутым, а дворянство — лишенным законных привилегий. На фоне всеобщего недовольства стали раздаваться радикальные призывы. Распространялись листовки, возникали неожиданные пожары. Носителями новых идей были, по выражению Чернышевского, «новые люди». Ситуация постепенно приобретала все более драматический характер. Она уже и проявляла себя в конкретных событиях, таких, как дело Нечаева, позднее — хождение в народ и, наконец, выстрел Веры Засулич и обоюдный террор. Большая часть либерального дворянства смотрела на новых радикалов с недоверием. Либералы активно включились в работу земских и судебных учреждений и надеялись на благоприятную эволюцию новой России. Так же настороженно относились к происходящему и многие видные писатели: Лесков, Писемский и другие. Среди значительного числа литературных произведений, касавшихся темы возможной русской революции, выделяются два романа, написанные великими авторами — «Бесы» Достоевского и «Новый» Тургенева. Они имеют совершенно разную судьбу. Если «Бесы» всегда оказывались и продолжают пребывать в центре внимания критики и читателей, то о романе Тургенева вспоминают лишь при общих обзорах его творчества. Между тем это вряд ли справедливо. Если воспаленно-гениальное воображение Достоевского создало картину, поражающую умы и сердца, но на самом деле имеющую лишь отдаленное сходство с русской действительностью, то чуть ли не самый вдумчивый наблюдатель текущей русской действительности Тургенев создал произведение, проникающее в самую суть свершившихся событий, в том числе предвещающих революцию. В романах Достоевского и Тургенева сказался весь предшествующий творческий путь писателей, но имел значение и зарубежный опыт.

К этому времени европейская литература уже создала ряд классических произведений о революционных событиях в Англии и Франции. В первую очередь это были «Пуритане» и «Замок Вудсток» Вальтера Скотта, «93-й год» Виктора Гюго и «Барнеби Редж» и «Повесть о двух городах» Чарльза Диккенса. Все они существенно повлияли на сознание как писателей, так и читателей России. Напомним, что «Пуритан» читал перед своей дуэлью Печорин в романе Лермонтова. Особенное значение для России имел Диккенс, чей Лондон с его «униженными и оскорбленными» обитателями так близок к Петербургу Достоевского. Диккенс дал две совершенно разные трактовки

революции. У Достоевского в «Бесах» с огромной мощью воплотилась тема раннего романа Диккенса «Барнеби Редж». В этом романе Диккенс утверждает, что есть люди, которые всегда готовы мирную жизнь обывателя превратить в пожарище. Эти люди руководствуются личными мотивами. Тут и мотивы мести всему человечеству за личные обиды, и мечта о собственном могуществе, и опасная игра с философско-религиозными идеями. Совершенно иную, хотя еще более страшную картину революции создает Диккенс в своем позднем романе «Повесть о двух городах». Здесь темный и мрачный, но мирный Лондон противопоставлен революционному Парижу. В чем же причина происходящих там ужасов? Революция в романе показана как следствие страшного раскола, разделяющего общество. Уже Вальтер Скотт в «Пуританах» показал, каковы следствия религиозного раскола. Та же тема занимает важное место и в романе Гюго. В «Повести» Диккенса — это раскол сословий. Ненависть, порожденная величайшими унижениями, выплескивается наружу и не может быть ничем остановлена. Движущей силой революции оказываются не какие-то поджигатели, а люди, доведенные до крайности невозможностью терпеть дальше установленный порядок. Тот порядок, в котором прямое насилие сочетается с величайшим осквернением человеческого достоинства.

Романы Диккенса — предупреждение. Но если в первом из своих исторических романов он говорит, что надо опасаться «поджигателей», то во втором — о том, что нельзя жить в расколотом обществе, где одни унижены, а другие присвоили себе монополию на истину и на честь. Не о том ли говорит в своем творчестве Тургенев, начиная с «Записок охотника»? Подобно Вальтеру Скотту и Диккенсу, он говорит о великом расколе между сословиями. В России этот раскол имел свою историю. С одной стороны, это древний раскол между землемельцем и тем, кто пользуется выращенными им на земле плодами. С другой — XVII и XVIII века принесли в русскую историю новые драмы, вехами для которых стали церковная реформа Никона, административная реформа Петра и Указ о Вольности дворянской. Бездна между народом и господами выросла с этого времени до непреодолимости. Для человека из народа оставался один выбор: или подчиниться, отказавшись от всяких прав на свободу личности, раствориться в служении господину, или подчиниться, затаив в себе угрюмое сознание злостного обмана.

По-своему виделся этот раскол Достоевскому. Ему казались главенствующими не социальные, а духовно-религиозные причины. Пошедшее вслед за Петром образованное общество отпало от народного понимания Бога, усвоило европейские ценности, связанные с обожествлением самих себя. И среди этих отравленных европейскими началами людей есть те, кто наиболее опасны, кто готов взорвать все существующее, разрушить союз Бога, Народа и... Царя, как помазанника Божия. Этими людьми владеют, как показывает Достоевский, чудовищно-темные инстинкты. Эти люди и есть Бесы. А их учителя и отцы — те западники, либералы, друзья Белинского, которые пришли к осуждению традиционных ценностей: Самодержавия, Православия, Народности. К числу таких ложных гуманистов Достоевский относит и самого Тургенева.

Тему «бесов» ввел в русскую литературу Пушкин. Кого же понимал под бесами Пушкин? Можно быть уверенным, что не Чацкого и декабристов. Извечные русские бесы, часто добродушно ухмыляющиеся, это, прежде всего, вереница чиновничества с его узаконенным лихоимством и с «любоначалием», о котором Пушкин вспоминал в одном из последних стихотворений. По отношению к низшим они, как и помещики, «дантинсты», вооружены «зуботычинами». Конечно, хорошо известно, что «русский бунт бессмыслен и беспощаден», но кто его разжигает и кто хочет хотя бы придать ему смысл?

Еще до «нечаевского дела» и выхода в свет «Бесов» Тургенев пишет роман «Дым», где также фактически развертывается тема русского «бесовства». Действие происходит

дит в начале 60-х годов на немецком курорте Баден-Баден. Здесь собирается разнообразное русское общество, в котором отчетливо выделяются две слабо связанные между собою группы. Одна — представители петербургского высшего света, другие — демократы-разночинцы. Как и во многих классических романах, главный герой оказывается посредником между группами. Этот герой сам заявляет о себе, что не имеет политических взглядов. Если взглянуть на него трезво, то это тот самый человек, о котором позднее говорил Достоевский и который «трудится на родной ниве». Оценивая его глазами две вышеуказанные человеческие группы, Тургенев дает их резко-сатирическое, доходящее до карикатуры изображение. Все разговоры этих людей ведут к единому выводу — это дым, дым, поднявшийся над Отечеством. В великосветском лагере господствуют «случайные люди», пробившиеся или пробивающиеся на верх нечестными путями. Охранители так называемых «национальных» начали одержимы манией подражания Парижу франтов и лореток и говорят исключительно по-французски. А что же их оппоненты? Это полуобразованная толпа, начитавшаяся популярных брошюр и лихорадочно ищущая вождя, которому можно поклоняться. Таким вождем оказывается некто Губарев, на самом деле ничего за душой не имеющий. Роднит оба противостоящие кружка пристрастие к сплетне, которая царит и там, и тут, занимая в ведущихся разговорах главное место. Общий взгляд писателя на происходящее в России глубоко пессимистичен. Именно этот взгляд выражает с полной определенностью еще один герой романа, Потугин. Он видит неудачу дела Петра в его незавершенности, в том, что важные для России начала западной образованности не проникли в глубину народа, а в высших классах создали только иллюзию их усвоения. Следствием стало презрение к своему народу, которое, несмотря на громкие патриотические высказывания, было свойственно и освободителю Европы царю Александру Павловичу, и его приближенным. Но и его оппоненты — декабристы и их последователи западники и славянофилы при всем сочувствии народу были, по известному выражению, «страшно далеки от него». Западники видели в нем невежественную массу, славянофилы — народ-богоносец, таящий в себе внутреннюю правду. Видимо, и то, и другое было верно, и Тургенев был одним из главных искателей тайны народного духа. Вслед за Вильгельмом Гумбольдтом он искал ключи к ней в русском языке.

Роман «Новь» написан спустя восемь лет после «Дыма», но взгляд автора на происходящее на Родине уже существенно изменился. Достигла своего апогея, а затем и кризиса эпоха «хождения в народ». Но эра террора еще не наступила. Весь находящийся в состоянии брожения русский мир показан в романе. Здесь и «господа», и народ, и радикалы-революционеры. Основная черта этого мира — разделение сословий, а внутри каждого сословия — различных социальных групп. Реформа 1861 года должна была изменить ситуацию. Ожидания были велики, но они далеко не оправдались.

Мир «господ» у Тургенева немноголюден — два чиновника противоположных лагерей, либерал и патриот-консерватор, жена либерала и кратко обрисованный губернатор со своим окружением. Изображение здесь совсем не столь обостренно-сатирическое, как в «Дыме». Писатель внимательнее присматривается к своим героям. Чем же искренне озабочены эти люди? Конечно, карьерой и всем тем, что может ей помочь и повредить. Не в силах справиться в новой обстановке с хозяйственными проблемами, все, кто мог, бросились на поприще государственной службы. Это давало им дополнительный доход, возвращало частично утерянную власть службы и еще больше отдаляло от реальной народной жизни. Но они твердо усвоили, что для карьеры необходимы политические взгляды, и они их имеют. Многочисленные проекты, направленные будто бы на благоенствие народа, а на самом деле никуда не ведущие, обсуждались и в различных комиссиях, и на светских раутах. Либеральные речи несколько не умеряли размаха деятельности Третьего отделения, как это ярко описано в

сатире А.К. Толстого. Эта чиновно-помещичья среда скупо, но с предельной выразительностью обрисована Тургеневым в чете Сипягиных и их друге Коломийцеве. Показаны они почти вне своей основной сферы деятельности в деревне, которая теперь служит для них местом отдыха. Между мужчинами как будто существуют разногласия.

Коломийцев — это консерватор-патриот, сторонник старых порядков, который воспринимает русский народ как грубое тягловое животное, выполненное, однако, преданной любви к своим господам. Он будто бы привержен традиционным русским началам, но на самом деле, как и персонажи «Дыма», старается говорить только по-французски. По его мнению, на русском языке даже невозможно высказать что-либо возвышенное и благородное. Впрочем, в этом случае вряд ли можно говорить о благородстве. Даже безразличный ко всему, кроме мнения столичных ревизоров, губернатор вынужден попенять ему за отношение к арендаторам-крестьянам, один из которых был доведен до самоубийства. Преклонение перед всем европейским сочетается в нем с жаждой запретов всего, что только возможно, вплоть до изучения естественных наук.

Либерал Сипягин понимает архаичность и даже своего рода неприличие таких убеждений, но относится к ним вполне терпимо. Его, в сущности, интересуют только собственная карьера и все, что ей способствует или мешает. Его способности ограничиваются умением произносить речи. К реальному делу, такому как устройство фабрик, он совершенно не способен. Пока его это не затрагивает близко, он может казаться благожелательным и свободомыслящим, но, отстаивая свои интересы, становится безжалостным. С карьерой мужа связывает все свои надежды и желания и его жена. Ее цель — производить впечатление в свете и умножать число новых поклонников.

Но все не ограничивается расколом между господами и народом. Между противостоящими друг другу сословиями оказывается некоторое число людей как бы принадлежащих и не принадлежащих к одному из них. Еще в XVIII веке явились люди, подобные Радищеву, а затем противостояние двух типов «господ» было зафиксировано Грибоедовым как столкновение Чацкого с Фамусовым и его окружением. Жизнь также зафиксировала это явление в первом акте русской революции — восстании декабристов. Особенности этого типа людей хорошо описаны Гончаровым в статье «Мильон терзаний». Чем терзаются чацкие? Перед героями Грибоедова, как и перед декабристами, с рождения открыты все дороги, но они сами закрывают их перед собой, не в силах согласиться с предложенными им правилами жизни. Дело в том, что в них разбужено общечеловеческое сознание, противостоящее сознанию сословному. Общественная несправедливость терзает Чацкого, и он готов предъявить счет за нее своим товарищам по сословию.

Наследников Чацкого, «господ, не желающих быть господами», как и весь дворянский мир, хорошо знал и описывал Тургенев. От драмы Грибоедова до последнего романа Тургенева прошло полвека. Люди, подобные Чацкому, изменились. В основном они принадлежат к низам класса господ, к людям, которые сами испытали жизненные невзгоды, дело поэтому не в личных страданиях и обидах. Они остро чувствовали ту бездну, на краю которой находились, и готовы были прийти на помощь еще более униженным.

Тургенев обратился к образу нового человека в романе «Накануне». Уже название романа указывает на многое. Накануне чего? Но герой романа Инсаров, хотя и увлекает Елену, но по сути дела малоубедителен и к тому же болгарин. В истинном обличии новый человек явился в следующем романе Тургенева. Это Базаров. Чем же он замечателен? Базаров презирает фразу — то, чем при всех своих благородных чертах увлекалось предшествующее поколение. Это человек, готовый к поступку, но не видящий целесообразности действия. Он прозрел и освободился от прежних увлечений и иллюзий, но не поддался новым. Пока еще это освобождение составляет смысл

его жизни, но ненадолго. Вместе с Базаровым ушли со сцены великие шестидесятники. Наступила пауза «Дыма».

Люди, выходившие теперь на первый план в последующие годы, не только, как Базаров, отличались от своих дореформенных предшественников, но и перенимали у них не лишенную романтизма идею служения народу. Вместе с тем это были представители промежуточных общественных классов — разночинцы или дворяне, в силу разных причин отколовшиеся от своего круга. Они остро ощущали ужас положения, в котором продолжал оставаться народ, тем более что сами находились в состоянии обездоленности. Теперь они жили надеждой на единение с народом, в котором видели некий идеал. Поглощая произведения Герцена, Чернышевского, Лаврова, Бакунина, они были преисполнены веры в мужика, который не только «смиренем велик», но и способен обновить жизнь на основах «беззначания». Они мечтали о союзе народа и революции.

И даже более того, они не в состоянии выносить собственное бездействие. Таковы герои Тургенева. Писатель предлагает нам несколько выразительных портретов. В первую очередь, это люди действия. Они полны нетерпения и жаждут прихода нового, которое носит название Революции. Напомним, что революции в те годы были реальностью, преобразующей Европу. Но это — люди ограниченные. Они сами не в состоянии оценить ситуацию и ищут руководителя. Рядом с ними люди другого склада. Один из них — главный герой романа, Нежданов. Он находится в состоянии внутреннего разлада. Он также не в состоянии выносить окружающую его несправедливость и дуэлью высших классов. Но и прагматизм, и упрощенность сознания революционеров ему чужды. Он остается «эстетиком», столь презираемым базаровыми. Парадокс в том, что он необходим своим товарищам. Без романтиков революция невозможна. А их заключительная гибель неизбежна. Совершенно другой человек — инженер Соломин. Он также прагматик, смотрит вокруг себя совершенно трезво. Это, как и герой «Дыма», человек, стремящийся делать свое дело. Возможно, он и присоединится к революции, если увидит в ней пользу для народа. Именно его, а не гибнувшего Нежданова выбирает главная положительная героиня романа — Марианна. Образ женщины у писателя, как всегда, символичен. Женщина Тургенева при всей своей реалистичности и конкретности — это его Родина, Россия, мучительно ищащая своего пути.

Как же оценивает Тургенев эти три противостоящие друг другу и отравленные взаимной враждой силы? Что ожидает народ? Готов ли он к выступлению? Хочет ли перемен? В глубине народного сознания что-то происходит. Но что это, не дано понять ни чиновнику, ни народнику-революционеру. Русский крестьянин, не только не получивший земли, но скорее ее лишившийся снова, чувствовал себя обманутым. Возможно, народ считал себя обманутым вместе с царем, хотя и личности самих царей, начиная с Петра, не вызывали полного доверия. Свобода для него была неотделима от права на землю. К тому же государство не сломало жесткие сословные перегородки, и если физическая власть господ была ограничена, то их духовно-правовое первенство оказалось подчеркнуто еще больше. Если раньше господин так или иначе включал крепостного слугу в орбиту своей жизни, то теперь слуга оказался полностью отторгнутым в низшую жизненную сферу. Люди из народа полны недоверия ко всем «господам», одетым и говорящим по-другому. Но и переодевание не меняет сути дела. Если будет народный взрыв, он будет совсем не таким, какого кто-либо ожидает. Что же тогда делать человеку низших сословий? Или самому идти путем обмана и обогащения, ведущим наверх, или идти в кабак. Картина кабака, всюду встающего на пути ищущего народной правды Нежданова, развернута в романе Тургенева с устраивающей выпуклостью. Конечно, все еще остается церковь, но только как идеал, почти совершенно отторгнутый от остальной жизни.

А что же такое, в конечном счете, по мнению автора, сторонники революции?

В романе это люди, состоящие под общим руководством некоего Василия Николаевича, личность и мотивы деятельности которого почти не обнаруживаются. Однако заставляет их действовать сознание того великого раскола в обществе, который всегда вел и будет вести к революции. По сути дела, они, как и герои Вальтера Скотта и Гюго, находятся на краю пропасти между безднами народного угнетения и грядущей народной мести. Они ли будут виноваты, если эта вторая бездна развернется? Они ли будут виноваты или мир бездушия, мир господ и чиновников? Конфликт в романе развертывается в двух направлениях. Попытка проповеди радикальных идей в народе, с которой демократы-революционеры обращаются к народу, заканчивается провалом. С другой стороны, пропасть между миром этих стремящихся к переменам людей и миром либерального чиновничества также оканчивается разрывом.

Как будто бы благожелательное отношение этой пары к людям резко меняется, когда вдруг даже в незначительной степени затронуты их интересы и нарушены планы. Последние связаны с намерением выдать замуж за Коломийцева их воспитанницу Марианну. Ее нежелание вступить в этот брак и стремление связать свою жизнь с демократом Неждановым вызывает у них реакцию, завершающуюся подлым выведыванием места пребывания молодых людей и обращением в полицию.

Все эти социальные лагеря изображены Тургеневым далеким от идеализации способом. Но по сравнению с «Дымом» здесь все же взгляд меняется. Как бы ни был невежествен и подвержен пьянству народ, он сохраняет веру в некоторую высшую истину, высшую справедливость. О такой же справедливости, хотя трактуемой совершенно иначе, мечтают революционеры. Представители высшего петербургского круга подумывают только о личном успехе, личной выгоде.

Несомненно, вся антипатия писателя принадлежит высшему слою общества. Этот слой, как показывает Тургенев, еще больше деградировал после отмены крепостного права. Из дворян, несших хотя бы некоторую ответственность за массу народа, высший слой превратился в чиновников. А это те, кто, как уже было сказано Лермонтовым, «жадно толпой стоящие у трона». Именно дух чиновничества и проявляется в романе Тургенева как некоторая бесовская сила, управляющая страной во имя собственного блага, и то понимаемого как хватание наград и привилегий. Читая роман Тургенева, лишенный изображения всяких крайностей, убеждаешься, что именно здесь, в «Нови», перед читателем предстает мир подлинного русского, да и не только русского, «бесовства». Тургенев в своем последнем романе показывает его в мягкой, но от этого не менее страшной форме. Жена Сипягина — женщина с чудесными глазами — это искушение, ожидающее помимо других искушений всякого, кто соприкасается с этим миром. Если вся семья Сипягиных в «Нови» приобрела более цивилизованные формы, чем великосветская толпа на курорте в Баден-Бадене, то героиня романа проделала обратный путь по сравнению с героиней «Дыма», все еще мечущейся между жизнью в наслаждении и жаждой правды.

Революция будет, как предсказывает Тургенев, и принесет она расплату за все, как это уже было в Европе. Старое чиновничество она уничтожила, интеллигенцию расколола. Раскол обнаружился сразу после революции 1905 года, когда авторы сборника «Вехи», следя Достоевскому, обвинили радикалов в «бесовстве» и непонимании народа. На самом деле «веховцы» еще меньше понимали народ и оказались в эмиграции. После революции три отмеченные Тургеневым слоя общества продолжали свое противостояние. Развернувшись конфликт нового чиновничества и народа проходил, как всегда, с тяжелыми последствиями. Народ стал объектом эксперимента, но власть все же многое делала для его образования и приобщения к мировой культуре. В этом власть искала, а вернее требовала, поддержки интеллигенции. Творческие усилия последней должны были быть понятны широкой массе. Такое служение народу постепенно стало казаться значительной части новой советской интеллигенции явно чрезмерным. Возникли воспоминания о «серебряном веке», когда эстетика по-

беждала этику, и творец чувствовал себя совершенно свободным. Конфликт интеллигенции с властью стал неожиданно оборачиваться конфликтом с народом. Поддержав интеллигенцию в критический момент создания новой России, народ очень скоро разошелся с ней в оценке произошедшего. Западные формы жизни, как и при Петре, плохо прививались в России. Еще больше, чем во времена Петра, люди сомневались в целесообразности такой прививки. Ведь без всякого обсуждения был отброшен богатейший опыт XX столетия, когда Россия была на самых передовых рубежах мировой цивилизации. Интеллигенция не только объявляла этот опыт заблуждением, но и обвинила народ виновником произошедшего, а «народолюбцев» из своей среды — Бесами.

На сегодня ситуация усугубилась. Интеллигенция винит народ во всем, что существует в жизни, выхватывая из него для поддержки маргинальные элементы. Пытаясь воздействовать на большинство, интеллигенция его катастрофически не понимает. Как мы видим, тройной конфликт, столь проницательно описанный Тургеневым, продолжает существовать, хотя и принимает новые формы. Конечно, главными «бесами» остаются чиновники. Но позиция интеллигенции, сменившей народолюбие на народопрезрение, кажется куда менее привлекательной, чем во времена Желябова и Перовской.

